

ГАЙВОРОНСКИЙ Юрий Олегович — аспирант, преподаватель департамента политической науки, младший научный сотрудник лаборатории региональных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; gyuvoronskiy@hse.ru)

РЕЖИМНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИКИ РЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ РЕГИОНОВ

Аннотация. Исследование посвящено изучению влияния перераспределительной и кадровой политики федерального центра на эволюцию региональных политических режимов. Результаты анализа показали, что базовые экстрарегиональные процедурные факторы способствовали росту их авторитарности, что позволяет говорить о синхронизации режимных трансформаций на федеральном и субнациональном уровнях в рамках политики рецентрализации как политическом последствии, сравнимом с тенденцией усиления зависимости регионов от центра.

Ключевые слова: региональные режимы, авторитарность, рецентрализация, губернаторы, межбюджетные отношения.

Роста протестных настроений в конце 2011 — начале 2012 гг., позволяет говорить о новом этапе эволюции региональных политических режимов. С момента возвращения прямых выборов губернаторов еще ни один инкумбент не потерпел поражение, более того, ни разу не возникла потребность в проведении второго тура. В связи с этим закономерно обращение исследователей к данной проблеме с использованием концепции электорального авторитаризма [Golosov 2014; Авдонин 2014; Карандашова 2015], но эволюция региональных режимов наряду с манипулятивными электоральными практиками, с влиянием новых «правил игры» подчиняется также логике саморазвития и развития в зависимости от собственной истории. Ведь очевидно, что электоральная стратегическая ситуация в отдельном регионе является скорее производной от общего уровня авторитарности, а отношения «центр — регионы» на новом этапе, вероятно, все еще сохраняют ряд закономерностей предшествующего.

В сравнительной политологии сегодня общепринятым является разделение факторов трансформации режимов на два кластера: структурный и процедурный. Первый акцентирует внимание на внешних по отношению к политическому режиму аспектах. Влияние экономики на демократию является наиболее разработанной темой [Lipset 1960; Flanigan, Fogelman 1971; Diamond 1992]. Несмотря на некоторые разногласия, все же общий консенсус относительно позитивного влияния экономического благосостояния на развитие демократии присутствует, но с рядом оговорок, касающихся исключений, связанных, например, с «ресурсным проклятием» [Vandewalle 1998; Ross 2001]. Второе значимое направление структурного кластера — культурологическое, где выделяется положительная роль эмансипативных ценностей [Inglehart, Baker 2000] и негативная роль ислама [Fish 2002].

Процедурные факторы акцентируют внимание на политических решениях и стратегиях поведения акторов. Российские политологи А.Ю. Мельвиль и Д.К. Стукал насчитывают в качестве таковых, по крайней мере, 11 типов: от характера и особенностей выхода из авторитаризма до использования элитами насилия для достижения политических целей [Мельвиль, Стукал 2011: 168].

Результаты субнациональных исследований в целом подтверждают закономерности, выявленные при межстрановых сравнениях. Это относится как к структурным факторам, таким как экономическое благосостояние в целом [Montero 2007], так и к отдельным аспектам процесса модернизации, как, например, urba-

низация [McMann, Petrov 2000]. Релевантны и выводы, касающиеся факторов культуры. Наличие в регионе значительной доли мигрантов из демократических стран Западной Европы позитивно влияет на уровень демократичности региона [Montero 2010, Lankina 2010].

Исследования, посвященные процедурным аспектам трансформации субнациональных режимов в плане влияния центра на политическое развитие регионов, можно разделить на две части: фискальный федерализм и кадровую политику. В первом случае для ученых-компаративистов важно понять последствия перераспределительной политики федерального правительства. Основным механизмом признается электоральная, законодательная поддержка сверхпредставленных регионов¹ в парламенте, а также сохранение политического порядка [Diaz-Cayeros 2006; Robinson, Verdier 2002]. Отдельное развитие получила концепция субнационального рантьеизма [Gervasoni 2010], который является следствием фискального федерализма и формируется «в тех случаях, если регионы получают трансферты, значительно превышающие их собственные (потенциальные) доходы от налогообложения» [Gervasoni 2010: 309].

В центре внимания изучения кадровой политики оказывается проблема соотношения лояльности и компетенции, характерная для диктатур [Wintrobe 2000; Егоров, Сонин 2008]. В электоралистских режимах, к которым возможно отнести российский случай, стимулы центра и регионов отличны от закрытых гегемоний. Преследуя цель победы на выборах, общенациональная власть стремится назначать в регионы лидеров, способных обеспечить необходимый результат. Как следствие, сосредоточение на электоральных задачах может привести к снижению эффективности власти и подрыву политической стабильности [Reuter, Robertson 2012: 1024]. Следовательно, сравнительные исследования указывают на интересную закономерность, характерную как для демократизирующихся, так и закрытых авторитарных режимов: общенациональный центр (действующее правительство) в значительной степени заинтересован в обеспечении территориального контроля и электорального результата.

Таким образом, базовую гипотезу для исследования режимных последствий политики рецентрализации в России можно сформулировать следующим образом.

H1: влияние федерального центра с помощью перераспределения межбюджетных трансфертов и кадровой политики в отношении глав регионов способствовало повышению уровня их авторитарности.

Подтверждение данной гипотезы позволит сделать вывод о синхронизации режимных трансформаций на федеральном и региональном уровнях как основной характеристике политики централизации наряду с усилением политического контроля.

Для тестирования гипотезы использован метод панельной регрессии. Предварительные тесты показали, что в силу плотной корреляции переменных во времени наиболее приемлемым является метод случайных эффектов (*random effects – RE*) и межгрупповая регрессия (*between – Be*) в качестве вспомогательного метода. Для изучения ряда динамических аспектов использован метод Ареллано-Бонда. Здесь используется двухшаговая техника с робастными оценками для получения наиболее точных результатов для оценок, не являющихся полностью экзогенными (что касается, например, показателей межбюджетных отношений).

Зависимая переменная «авторитарность» операционализирована от обратного с точки зрения минималистического подхода к демократии, восходящего к Й. Шумпетеру, где она представляет собой институциональный механизм, который позволяет акторам на свободных и честных выборах конкурировать за голоса избирателей [Шумпетер 1995].

Индекс авторитарности состоит из показателей электоральной конкуренции (индекс Лааксо-Таагеперы, Хуана Молинара, «резерв победы» и «уязвимость

¹ Имеются в виду различия в размерах округа, т.е. отношение числа мандатов к численности избирателей.

победителя»¹), авторитарно-административной мобилизации (квадрат доли явки), а также экспертных оценок (Московский центр Карнеги). В качестве техники построения индексов использован метод главных компонент. Результатом вычислений является переменная, измеренная не в привычных процентах или 10-балльных шкалах, а в z-значениях, что более удобно для статистического анализа.

В качестве независимых переменных используются два блока показателей. Первый — факторы влияния федерального центра, отражающие процедурную составляющую трансформации региональных политических режимов, т.к. представляют собой политические решения федерального центра:

- безвозмездные поступления из консолидированного бюджета РФ в консолидированный бюджет субъекта РФ в ценах 2007 г. в расчете на одного жителя («трансферты»), логарифмированная;

- отношение доходов консолидированного бюджета субъекта РФ от федеральных трансфертов к собственным доходам в ценах 2007 г. на душу населения («рантьеизм»), логарифмированная;

- отсутствие биографической связи губернатора с регионом («варяг»), «дамми»-переменная;

- замена главы региона («замена»), «дамми»-переменная;

- замена главы региона в год региональных выборов («замена под выборы»²), «дамми»-переменная;

- совмещенные выборы федерального и регионального уровней («совмещенные»), «дамми»-переменная.

Второй блок — внутрирегиональные структурные факторы:

- средняя номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, скорректированная по размеру прожиточного минимума в ценах 2007 г. («благосостояние»);

- доля городского населения («гор. нас.»);

- экономическое благосостояние городского населения как пересечение первых двух индикаторов («благосост. × гор. нас.»);

- доля русского населения («русские»)³, логарифмированная.

В качестве контрольных переменных используются:

- численность населения региона («население»), логарифмированная;

- федеральный округ (ДФО является типичным с точки зрения среднего уровня авторитарности), «дамми»-переменная;

- год, «дамми»-переменная.

Временной интервал охватывает 5 лет (2007–2011), т.к. данные по 2005–2006 гг. содержат пропуски в связи с тем, что ряд регионов еще не перешел на смешанную систему выборов, что делает невозможным расчет указанных электоральных индексов.

Начнем с общей тенденции, которая указывает на увеличение уровня авторитарности относительно всей выборки (табл. 1): в рамках моделей со случайными эффектами переменные, фиксирующие режимные вариации в соответствующем году, являются значимыми и положительно связанными с зависимой переменной. Это означает, что режимы 2009 г. (2008 г. — только в третьей модели) характеризуются большим уровнем авторитарности, чем 2007 г.; 2010 г. — большим, чем 2009 г. и т.д. Общая тенденция такова, но она не является однородной.

При первом приближении содержание табл. 1 указывает на отсутствие влияния основных рычагов воздействия федерального центра на регионы. Во-первых, ни в одной из трех базовых (RE) моделей не удалось зафиксировать связь федеральной финансовой помощи, будь то трансферты или их производный показатель «ран-

¹ Соответственно: $N_{it} = \frac{1}{\sum v_i^2}$, где v_i — доля голосов i -й партии; $N_M = 1 + N_{it} \frac{\sum v_i^2 - v_i^2}{\sum v_i^2}$, где N_{it} — индекс Лааксо-Таагеперы, v_i — доля голосов i -й партии, v_j — доля голосов партии-победителя; $MV = v_i - v_j$; $V = \sum v_i - v_j$.

² За исключением четырех случаев, ротация проводилась за несколько месяцев до дня голосования, что позволяет избежать проблемы эндогенности и указывать на ротацию в год выборов как внешний фактор.

³ Так как данные доступны за один временной промежуток, и переменная представляет собой константу во времени, она не может применяться в динамических моделях.

теризм», с одной стороны, и уровня авторитарности – с другой. Во-вторых, наличие в регионе губернатора-«варяга» имеет значение, однако связь здесь негативная. Регионы, во главе которых находится губернатор, биографически слабо связанный с ним либо вообще назначенный извне, приблизительно на 0,12 пунктов менее авторитарны. Это, на первый взгляд, не столь значимое, однако устойчивое влияние, относительно которого возможно делать надежные выводы.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа (случайные эффекты и межгрупповая зависимость)

	Модель 1 (RE)		Модель 2 (RE)		Модель 3 (RE)		Модель 4 (Be)	
	Коэфф.	СО	Коэфф.	СО	Коэфф.	СО	Коэфф.	СО
Трансферты	.084	.066	.094	.067			.612**	.197
Рантьеизм					.061	.048		
Губернатор-варяг	-.125*	.068	-.117*	.068	-.122*	.074		
Замена «под выборы»					.266**	.136	-1.72	1.44
Русские	-.024**	.005	-.026**	.005	-.215**	.078	-.138*	.070
Благосостояние			-.007	.094			.000	.192
Гор. нас.	-.023**	.006					-.033**	.014
Благосост. × гор. нас					-.118	.091		
Население	-.145	.191	-.396	.187	-.315	.254	.532	.325
ЦФО	-.159	.241	.021	.249	.000	.313		
СЗФО	-.619**	.246	-.627*	.261	-.596*	.336		
ЮФО	-.305	.329	.127	.318	-.013	.411		
ПФО	-.170	.267	.070	.247	.135	.361		
СФО	-.365	.265	-.076	.264	-.110	.342		
СКФО	-.157	.400	.336	.403	.640	.474		
УФО	-.277	.309	-.211	.332	-.467	.431		
2008	.037	.055	.023	.057	.140**	.060		
2009	.131**	.064	.119**	.065	.246**	.068		
2010	.201**	.059	.188**	.060	.301**	.062		
2011	.307**	.060	.281**	.063	.377**	.066		
Константа	2.25**	1.08	1.99	1.19	2.48*	1.42	-2.43	2.24
N obs / N groups	309/74		317/74		357/78		107 / 30	
R-squared	.715		.655		.459		.427	
Wald (Prob>chi ²)	.000		.000		.000			
F (Prob>F)							.032	

* *Примечание.* Зависимая переменная – «авторитарность»; * – коэффициент значим на уровне 0,1; ** – на уровне 0,05.

Казалось бы, приведенные аргументы опровергают выдвинутую гипотезу, но более детальный разбор результатов (статического и динамического характера) ука-

зывает на наличие ряда кластеров в изучаемой выборке, где работают различные закономерности. Так, подтверждает гипотезу тенденция замены губернатора «под выборы», причем данный фактор согласно коэффициенту регрессии превышает негативное влияние губернаторов-варягов в 2 раза, по сути, нивелируя его.

Интересными являются результаты четвертой модели, где был исследован кластер регионов, возглавляемых губернаторами-варягами. Именно здесь удалось выявить первостепенную важность и положительное влияние поступлений из федерального бюджета на авторитарность региона.

Среди внутрирегиональных структурных факторов значимыми оказались и доля русских, и показатели модернизации. Первый обладает устойчивым влиянием на авторитаризм, но в целом наличие данной закономерности не является открытием, т.к. существование более авторитарных этнических республик среди других субъектов РФ — давно известный эмпирический факт. Но все же в этом случае дальнейший поиск (в дальнейших исследованиях) каузальных механизмов необходимо вести скорее не в рамках контекста, а культурно-исторических факторов и механизмов, в частности религиозных, хотя первые, скорее всего, также будут иметь значение.

Обратное возможно утверждать относительно СЗФО, где действуют факторы, не зафиксированные в предлагаемой модели анализа. Поиск каузального механизма здесь, наоборот, следует начинать с выявления контекста и исторических условий, вооружившись методологией исторического институционализма.

Модернизационная гипотеза в российском контексте «работает» с некоторыми особенностями. По итогам анализа можно заключить, что экономическое благосостояние населения не влияет на уровень авторитарности. Оппозиционно настроенный и разделяющий ценности свободной конкуренции электорат в России — это не просто состоятельные граждане, а скорее представители городского класса, включающего широкий набор характеристик.

Далее перейдем к динамической модели (табл. 2). Следует дополнительно акцентировать внимание на том, что влияние предикторов здесь как бы «очищено» от автокорреляции независимой переменной, что позволяет более тонко оценить последствия политических решений. Здесь в первую очередь подтверждается наличие *path dependency* в эволюции региональных режимов, т.к. авторитарность в текущем году в значительной степени зависит от авторитарности в предыдущем.

Гипотеза исследования здесь подтверждается в полной мере. Во-первых, на это указывает значимость переменной «рантьеизм», положительно влияющей на зависимую переменную. Во-вторых, так же как и в случае ротации главы региона «под выборы», можно констатировать влияние кадровой политики федерального центра на уровень авторитарности, способствующей ее росту. Разница заключается лишь в том, что если в год замены проводились выборы, то это позволяло эксплицитно изменить расстановку сил в краткосрочной перспективе, в противном случае влияние проявляло себя с лагом, как минимум, в один год. Наконец, дополнительным позитивным эффектом для сокращения каналов доступа к власти обладают совмещенные электоральные кампании регионального и федерального уровней.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что гипотеза в целом может считаться подтвержденной: базовые экстрарегиональные процедурные факторы способствовали росту авторитарности субнациональных режимов, хотя наличие *path dependency* в эволюции региональных режимов определяет невысокую эффективность воздействия. Тем не менее возможно утверждать, что существует синхронизация режимных трансформаций на федеральном и субнациональном уровнях в рамках политики рецентрализации как политическое последствие, сравнимое с тенденцией усиления зависимости регионов от центра.

Общая тенденция сочетается с резистентностью некоторых регионов, связанной скорее не с развитием практик демократичности, которые так и не сформировались в полной мере, а с внутриэлитной деконсолидацией, преодолеть которую губернаторам-варягам не удалось, несмотря на финансовую поддержку со стороны федерального правительства. В этом свете заявления о неэффективности указанного кластера губернаторского корпуса выглядят вполне справедливыми. В результате возникает проблематика, связанная с эволюцией субнациональных режимов

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа (метод Ареллано-Бонда)

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	Коэфф.	СО	Коэфф.	СО	Коэфф.	СО	Коэфф.	СО
Авторитарность (1 лаг)	.788**	.198	.827**	.160	.735**	.202	.850**	.163
Трансферты	.151	.113			.116	.072		
Рантьеизм			.196**	.094			.201*	.108
Варяг	-.060	.061	-.085	.058	-.004	.076	-.012	.079
Замена			.049	.063			.057	.062
Замена (1 лаг)			.149*	.089			.168*	.095
Замена «под выборы»					.456**	.145		
Совмещенные					.359**	.086	.375**	.093
Благосост.	-.115	.149					.062	.201
Гор. нас.	-.003	.038					-.012	.042
Благосост. × гор. нас.			-.189**	.093	-.116	.115		
Население	-3.83	4.80	-7.21	6.63	-.823	5.00	6.00	5.82
2008	.087	.071	.025	.059	.050	.051	-.013	.069
2009	.036	.081	-.001	.087	.041	.066	-.026	.099
2010	.064	.070	.064	.073	.060	.056	.010	.088
2011	.059	.081	.003	.085	.004	.078	-.073	.103
Константа	23.5	30.1	-43.3	40.2	5.00	30.1	-35.7	36.2
N obs / groups	287 / 80		249 / 70		287/80		244 / 71	
Wald (p>chi ²)	.000		.000		.000		.000	
Abond(p>z 1/2 order)	.008 / .723		.004/ .620		.013 / .716		.004 / .610	

Примечание. Зависимая переменная – «авторитарность»; * – коэффициент значим на уровне 0,1; ** – на уровне 0,05.

на новом этапе эволюции, где варягам удалось, на первый взгляд и согласно электоральным показателям, достичь высоких результатов¹. Говорит ли это о подвижках в сторону консолидации региональных элит? Это вопрос для дальнейших исследований, для которых данная статья предлагает гипотезу о потенциальном наличии латентных конфликтов.

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Политическая конкуренция в России: субнациональное измерение», реализуемой лабораторией региональных политических исследований под руководством д.полит.н. Р.Ф. Туровского.

¹ См., например, результаты губернаторских кампаний 2014 г.

Список литературы

- Авдонин В.С. 2014. Как региональная автократия «адаптирует» политические реформы на региональном и муниципальном уровнях (случай Рязанской области). – *Pro nunc. Современные политические процессы*. № 1. С. 57-83.
- Егоров Г., Сонин К. 2008. Диктаторы и визири: экономическая теория лояльности и компетентности. – *Общественные науки и современность*. № 2. С. 36-51.
- Карандашова С.А. 2015. Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкубентов на губернаторских выборах. – *Вестник Пермского университета*. Сер. Политология. № 1. С. 51-67.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. 2011. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа. – *Полис*. № 3. С. 164-183.
- Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика. 540 с.
- Diamond L. 1992. Economic Development and Democracy Reconsidered. – *American Behavioral Scientist*. Vol. 35. P. 450-499.
- Diaz-Cayeros A. 2006. *Federalism, Fiscal Authority, and Centralization in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. 302 p.
- Fish S. 2002. Islam and Authoritarianism. – *World Politics*. Vol. 55. P. 4-37.
- Flanigan W., Fogelman E. 1971. Patterns of Political Development and Democratization: A Quantitative Analysis. – *Macro-Quantitative Analysis: Conflict, Development, and Democratization* (ed. by J.V. Gillepsie, B.A. Nesvold). Beverly Hills: Sage. P. 441-474.
- Gervasoni C. 2010. A Rentier Theory of Subnational Regimes: Fiscal Federalism, Democracy, and Authoritarianism in the Argentine Provinces. – *World Politics*. Vol. 62. No 2. P. 302-340.
- Golosov G. 2014. Growing Old without Grace: Electoral Authoritarianism and the Age Composition of Russia's Regional Legislative Assemblies. – *Representation*. No 4. P. 509-526.
- Inglehart R., Baker W. 2000. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. – *American Sociological Review*. Vol. 65. P. 19-51.
- Lankina T. 2010. Regional Democracy Variations and the Forgotten Legacies of Western Engagement. – *The Politics of Subnational Authoritarianism in Russia* (ed. by V. Gel'man, C. Ross). Burlington: Ashgate. P. 39-66.
- Lipset S.M. 1960. *Political man: the Social Bases of Politics*. N.Y.: Doubleday and Co. 477 p.
- McMann K., Petrov N. 2000. Survey of Democracy in Russia's Regions. – *Post-Soviet Geography and Economics*. No 3. P. 155-182.
- Montero A. 2007. Uneven Democracy? Subnational Authoritarianism in Democratic Brazil. – *Materials of Latin American Studies Association meeting*. 2007, Montréal, Canada, September 5-7. Materials of the Conference in honor of Alfred Stepan. Columbia University, October 2007.
- Reuter O. J., Robertson G. 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments. – *The Journal of Politics*. No 4. P. 1023-1037.
- Robinson J., Verdier T. 2002. The Political Economy of Clientelism. – *CEPR Discussion Paper*. No. 3205.
- Ross M. 2001. Does Oil Hinder Democracy? – *World Politics*. Vol. 53. P. 325-361.
- Vandewalle D. 1998. *Libya since Independence: Oil and State-Building*. Ithaca: Cornell University Press. 245 p.
- Wintrobe R. 2000. *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press. 404 p.

GAIVORONSKIY Yuriy Olegovich, *postgraduate student, Lecturer of Political Science Department, Junior Research Fellow of Regional Political Studies Lab, National Research University – Higher School of Economics (20, Myasniinskaya St, Moscow, Russia, 101000; guyvoronskiy@hse.ru)*

REGIME CONSEQUENCES OF RE-CENTRALIZATION IN RUSSIA: EVIDENCE FROM THE REGIONS

Abstract. *The study is devoted to the impact of redistribution as well as personnel policy of the federal center on the evolution of subnational (regional) political regimes. The results show that the basic extra-regional procedural factors contribute to the growth of regional authoritarianism. This finding illustrates synchronization of regime's transformation at federal and subnational levels in the context of recentralization as the main political consequence which is comparable with the trend of increasing dependence of the regions from the federal center.*

Keywords: *subnational regimes, authoritarianism, recentralization, governors, intergovernmental relations*

ЖИГУЛИНА Ольга Викторовна – аспирант сектора теории политики Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; zhigulinaolga@gmail.com)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В СОСТАВЕ СССР

Аннотация. *В статье предпринята попытка проанализировать политические аспекты миграций в Закавказье в советский период. Они рассмотрены на таких политических сюжетах, как коллективизация, депортация народов, репатриация зарубежных армян и межэтнические конфликты в Закавказье. Показано, как политическая воля руководства страны определяла направления, масштабы и состав миграционных потоков.*

Ключевые слова: *миграционные процессы, депортация, репатриация, принудительные миграции, межэтнический конфликт*

В советский период в силу целого комплекса социально-экономических и этнодемографических факторов происходили широкомасштабные миграции разных народов. В предлагаемой читателю статье уделяется внимание политическим аспектам проблемы миграций в Закавказье.

Миграционные процессы в СССР отличались плановым и принудительным характером, когда выбор местожительства определялся государственными директивами. В отдельные периоды государство стремилось к максимальному регулированию, контролю и подчинению миграций в стране. Одним из свидетельств этого было сосредоточение к 1937 г. всего миграционного учета в НКВД СССР. Зачастую управление миграциями осуществлялось с нарушениями прав человека на свободу передвижения. Ярким примером таких нарушений были депортации населения и создание системы спецпоселений.

В качестве особой категории миграций, происходивших по политическим причинам, можно выделить принудительные миграции. Они имели четко выраженный географический характер и проводились по разным признакам – в зависимости от социальной, этнической, конфессиональной и политической принадлежности перемещаемых лиц. Можно выделить несколько этапов в истории советских принудительных миграций населения в зависимости от этнополитических факторов и целей, преследуемых руководством страны.

Первый этап насильственных перемещений в Закавказье начался в 1930-х гг. Он был обусловлен процессами коллективизации и раскулачивания и сопровождался многочисленными антиколхозными восстаниями в регионе. В 1930 г. ОГПУ пла-